

НЕГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ПУТЬ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ИДЕИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

П.Л. Карабушенко
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: гражданское общество, элиты, власть, гражданин, творческая личность, свобода и ответственность.

Key words: civil society, elites, power, person, creative personality, liberty and responsibility.

Гражданское общество является излюбленной темой всех либералов и главным препятствием на пути развития демократии. Проблема упирается не только в наличие серьезных авторитарных пережитков прошлого, но и в многообразие самого опыта развития гражданского общества. Очевидно, что сколько гражданских обществ, столько будет и рецептов реализации этого проекта. Но еще больше количество нереализованных проектов гражданского общества, тех, которые не состоялись по самым разным причинам, главной из которых является отсутствие или незрелость демократических институтов. В настоящее время в России нет развитого гражданского общества. Имеются его отдельные зачаточные признаки. Поэтому российский социум можно охарактеризовать как негражданские сообщества, находящиеся в поисках идеи гражданского общества.

Говорить о реальном существовании гражданского общества можно будет только тогда, когда между властью и обществом будет установлен открытый и откровенный диалог, в котором они будут равноправными партнерами. Пока мы видим один лишь монолог власти и молчание общественного большинства. Критики власти давно и настойчиво указывают ей на «традиционные проблемы страны, мешающие ее развитию: бюрократию, нечеткое законодательство, отсутствие у государства четких идеологических признаков, олигархическую систему в экономике и так далее». И в ответ слышат жесткий комментарий: «Все нормально, это все ерунда, а что касается экономики, то государство поддержку ей оказывает» [5, с. 3].

Вместо того, чтобы развивать идеологию гражданского общества, правящая элита пытается узаконить идеологию «партии власти». В настоящее время разрабатывают конкретные идеологические схемы могут только те партии, которые в своем политическом мышлении ориентированы не на реалии XXI в., а на ценности века уже минувшего. Споры вокруг современного «российского консерватизма» подчас носят декларативно-схоластический характер. Сколь велико влияние этих идей на общественное мнение и мировоззрение россиян так и остается невыясненным. Остается открытым и вопрос о качестве содержащихся в официальной идеологии «Идей». «Идей» именно с заглавной буквы и пока что в кавычках, поскольку открыт вопрос о качестве этих идей (т.е. можно ли их вообще считать идеями?!).

Насколько выдвигаемые положения власти являются идеями, можно судить по уровню их креативности. Проверка на креативность показывает, что перед нами не «Идеи» (ибо их суть туманна и перспектива малопонятна), а так называемые «пустые формулы», внешне по форме правильные, но совершенно пустые по своей содержательной части. Иными словами, форма есть, – содержание отсутствует. Но самое главное, такие с позволения сказать «Идеи» еще дальше уведут нас от морали, ставят ее в непосредственную зависимость от воли политической действительности.

Наивысшая форма реализации морали в политике – это закон Божий, выполняющий который каждый решает для себя сам. Ориентация на «гражданские кодекс Наполеона» есть принижение морали, низведение ее до уровня простой процессуальной формальности. При анализе сущности гражданского общества учитываются какие угодно

основания (экономические, политические, социальные, правовые), но только не моральные. А ведь именно мораль напрямую указывает на качества духовного состояния человека и общества, на то, чем оно есть в действительности. И здесь возникает необходимость создания своей особой идеологии – идеологии гражданского общества. Было замечено, что в наше время ни одна из существующих в мире идеологий не пользуется поддержкой и популярностью по той причине, что ставит проблемы гражданского общества куда-то на периферию. Центр оказывается занят идеями далекими от гражданского общества. Нам кажется, что в наше время спросом будет пользоваться та идеология, которая будет рассматривать гражданское общество как центральную категорию своего общественного бытия.

Было замечено, что ни одна из традиционных идеологий не предусматривает наличия гражданского общества. «Все вероятные модели новой государственности рассчитаны на один и тот же стандарт человека: человека с маленькой буквы, всецело зависящего от высшей державной власти и собственного значения не имеющего... Человек с маленькой буквы, не имеющий навыков противостояния власти и опыта общественной солидарности, ощущает свободу как богооставленность и социальную брошенность» [2, с. 13]. Но следует добавить, что человек с маленькой буквы равноправным членом гражданского общества быть не может. «Власть, предоставленная сама себе, без надлежащего пригляда со стороны институтов гражданского общества, развращает не только власть имущих, но и вверившийся ей народ. Властная элита позиционирует себя как высшую касту, своего рода сакральную иерархию. Так ей удобнее быть. Ибо благоговения и благонадежности от масс людей с маленькой буквы, т.е. толпы, добиться легче и проще, чем благоразумия и благородства» [2, с. 13]. Самой власти куда более полезнее оказывается не наша любовь, а наше уважение.

Гражданского общества не может быть там, где общество жестко поляризовано на узкую касту богачей и уходящую за горизонт массы бедняков. При таком социальном расслоении все рассуждения о гражданском обществе будут носить декларативный характер, т.е. будут схоластическим спором ни о чем. Пока не изжита в России бедность, все разговоры о гражданском обществе будут от лукавого. Странно видеть природные богатства России и нищету ее населения. Странно видеть сверхбогатое государство и сверхбедный народ. Возникает подозрение, что государство беззастенчиво обворовывает свой же собственный народ. Ни колонии, ни чужие страны, а свой собственный народ! Государство ведет себя в отношении своего собственного общества как вражеская сила. Такое могло себе позволить лишь «элита варягов».

Разбою государства общество противопоставляло свой собственный разбой. «Житие Соловья Разбойника» – это хроника народного разбоя на Руси. Если в средние века «Соловьи Разбойники» орудовали на больших дорогах (как, например, полуделегандарный атаман Кудияр), то в Новое время они уже учиняли куда более существенные погромы на окраинах страны (С. Разин, Е. Пугачев), а в XX в. и вовсе сделали разбой своей государственной политикой (Иосиф Джугашвили). И все почему? Потому, что правящие элиты видели в народе всего лишь объект для своего политического насилия и никогда не желали видеть в нем субъекта для нормального политического диалога.

Сам термин «гражданское общество» нуждается в постоянном уточняющем комментарии. Для российского менталитета синонимами «гражданского общества» могут служить такие понятия, как «соборность» (как единство общества и власти), «мир» (как господствующее положение общества над властью) и «воля» (как доминанция интересов развитой личности в обществе).

Общего знаменателя в определении сущности гражданского общества нет, и возможно, что никогда и не будет, ибо сколько обществ, столько будет и вариантов его гражданского состояния. Каждый народ имеет то гражданское общество, какими гражданами он [народ] в действительности сам является. Поэтому нет единого рецепта гражданского общества, необходимого и обязательного для всех, а есть многообразие гражданского общественного опыта. Есть «книга рецептов», в которой каждое общество записывает свой опыт построения своего гражданского суверенитета.

Российские СМИ заметили, что все президентские послания в России чаще всего адресованы непосредственно самой элите, а не обществу, и комментируются в основном высокопоставленными чиновниками, которые видят в них только то, что выгодно им и их корпоративным группам влияния [1, с. 4]. Общество исключено из этого диалога. Оно остается вне рамок деятельности элиты и лидеров.

Конечно, роль элит в любом обществе велика. Но в условиях гражданского общества мы вправе ожидать совершенно иной тип элит. Если общество у нас гражданское, то и сами элиты должны носить тоже гражданский характер, т.е. быть граждански ответственными. Гражданское общество – это когда народ является субъектом, а не объектом политики правящих элит («субъектом» в смысле равноправного партнера в политическом диалоге). Гражданская элита – это элита, находящаяся под полным и непосредственным контролем своего общества. Однако в России общество так и не вошло в свои права (тому препятствует власть чиновническая), а потому оно не является гражданским обществом. Ее становлению во многом препятствует олигархический тип элит, порождающих и поддерживающих недоверие верхов и низов друг к другу. В нашем понимании, гражданское общество – это большой уровень доверия граждан государству и его институтам. Но это и одновременно и доверие государства своим гражданам. На взаимном доверии строится соборность гражданского мира. При чем она не исключает, а напротив само включает власть в свои структуры. Главное, чтобы власть соответствовала требованиям гражданского общества, главным из которых является ее высокий уровень ответственности и низкий (желательно самый минимальный) уровень коррупции, а главное соответствие слов и дел.

В поведении же современных российских политических элит слов больше, чем дел, и именно обилие неконтролируемых слов (как результата свободы слова) скрывает от нас рождение «Идеи», ибо слова, брошенные в свободное падение, к формированию «Идеи» нас не ведут. Они вообще никуда не ведут, а в худшем случае вводят в заблуждение. Современная российская политическая элита как раз и пребывает в состоянии такого заблуждения – она использует слова, которые имеют минимальное отношение к современной реальности, и создают лишь видимость благополучия.

Слова «Великая Россия», «Великая держава» не пустые звуки, а конкретные претензии геополитического мышления правящих элит на их признание в мире в качестве одной из глобальных доминант. Но было замечено, что когда к понятию «Великая держава» требуется прилагательное, у самой державы обнаруживаются явные проблемы с ее величием. А современные российские «идеологи власти» как раз такие прилагательные и ищут: великая космическая держава, великая нефтяная и т.д., и т.п. [7, с. 16]. Только после того, как отпадет надобность в этом прилагательном, Россия действительно станет Великой державой.

Из этой же серии вытекает и идея так называемой «суверенной демократии», откровенно говоря, так и непонятой российским обществом. Термин настолько аморфен, что каждый желающий вправе его по-своему понимать. Для нас «суверенная демократия» – это не зависящая от государства и экономики система. Она существует сама по себе, в состоянии свободы и ответственности. Суверенная Россия – это ни от кого не зависящая страна. Такое бывает только при состоянии великого государства. Но и это утопия. Если суверенная демократия ведет к развитию гражданского общества, то мало кто усомнится в ее «суверенитете». Но если эта формула работает на усиления «вертикали власти», то критики будет хоть отбавляй.

В результате политико-административных реформ В.В. Путина начала 2000-х гг. для власти открылась «возможность править своими подданными без необходимости добиваться их одобрения в громоздкой, затратной и рискованной процедуре прямых выборов» [8, с. 1]. Мы все постепенно превращаемся из граждан в подданных. Если в обществе нет полноценных граждан, то возникновение в нем гражданского общества делается невозможным. Для гражданского общества нужны не просто политически образованные и свободно мыслящие и действующие граждане, но также независимые и креативно настроенные личности, точнее свободное сообщество свободных личностей. Концепция суверенной демократии была призвана хотя бы

отчасти, хотя бы на теоретическом уровне примерить потребность власти в усилении своей властной вертикали и необходимостью цивилизованного развития гражданского общества.

Суверенная демократия – это, прежде всего, суверенная личность. Суверенная – значит обладающая собственностью, ответственная перед собой и в материальном плане независимая от государства. Отсюда и сам характер взаимоотношений личности и государства выстраивается как партнерский, а не патерналистский. До тех пор пока в России не возникнет средний класс таких собственников, ни о каком гражданском обществе говорить не приходится.

Обществу следует потребовать от государства реального сокращения оплаты за содержание чиновничьего аппарата. Оплата за эти услуги самая дорогая на сегодняшний день в России (треть ее бюджетных расходов или примерно 10 % от ВВП), а если к этому добавить еще и рост коррупции, то содержание чиновничества российскому обществу дается слишком дорогой ценой. На старый вопрос «Кому живется весело, вольготно на Руси?» сегодня можно дать однозначный ответ – российскому чиновничеству.

Слова политической науки о том, каким должно быть гражданское общество, ничего не значат, если сами граждане не ощущают себя свободными и полноценными членами своего сообщества и государства. Все мнения чаще расходятся по направлениям: каким оно должно быть в идеале и каково оно является на самом деле?

По мнению Б.Г. Капустина, с термином «гражданское общество» не все столь благополучно, как оно может показаться с первого взгляда [3, с. 156]. Когда слово есть, а самого явления нет, когда теория существует, а общественная практика отсутствует, тогда такое слово-идею называют утопией, а ее теорию – схоластикой. То же самое мы вправе будем сказать и о таком понятии как «элита» – форма (статус) есть, а содержание (элитность как качество, определяющее реальное превосходство) отсутствует.

В настоящее время идея гражданского общества превалирует над самими реалиями гражданского общества. Это идея того, что должно быть в идеале, но не идея того, что уже существует. Перед нами фактически то, что М. Вебер называл «идеальным типом».

Идея гражданского общества существует как некий идеал, а не как объективная общественно-политическая реальность. В этой связи уместно будет вспомнить 76 максимум Франсуа де Ларошфуко, который гласит: «Истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел» [10, с. 41]. Переделать этот афоризм под тему гражданского общества не составит никакого труда. О гражданском обществе действительно все пока говорят, но мало кто может его показать в реальном исполнении своих же собственных идей.

Часто за гражданское общество принимается его отдельные части (элементы), а не оно само как совокупность свободных и политически активных (грамотных и культурно воспитанных) граждан. В политической культуре гражданского общества преобладает толерантность, плюрализм и политкорректность (но политкорректность принципиальная, а не формальная). А самое главное качество такого гражданина – критическое восприятие власти, политическая образованность и этика общественного общения. Это все в идеале. В реальности мы наблюдаем несколько иную картину. Но это не значит, что плох идеал. Это значит, что сама реальность несовершенна.

Сегодня гражданское общество является одним из важных факторов измерения демократии в мире. Но при этом отмечается, что демократия демократии рознь. Можно сказать, что сколько в мире гражданских обществ, столько и форм демократии и способов ее понимания. Качество демократии напрямую зависит от качественного состояния самого гражданского общества, и наоборот.

В настоящее время с идеалами либерального общества существуют явные проблемы. Даже на Западе проблемы с демократией стали вылезать из-под шелухи либеральной идеологии, воспевавшей рыночные отношения и гражданские свободы. Террористическая угроза похоронила все это под грузом необходимости обеспечения национальной безопасности. Если современные демократии испытывают такие идейно-прагматические трудности, то можно ли считать современное Западное общество

гражданским? Кризис демократии – это кризис не только института власти и общественного сознания, но и кризис самого состояния гражданского общества, гражданского мира. По миру широкой волной наступает неоавторитаризм [4]. Демократия вновь оказывается непопулярной в силу своей физической несостоятельности. Договорная теория оказывается уязвимой, то ли в силу морального старения самого «договора», то ли в силу его фрагментарности.

Теория общественного договора (Т. Гоббс, Дж. Локк и др.) косвенно предусматривала договор не только граждан с государством, но и договор между самими гражданами. Поэтому гражданское общество мы вправе рассматривать как абсолютизацию договора граждан между собой и государством. При этом второй участник этого договора (государство) становится вторичным в развитии гражданских договоренностей. Это может быть объяснено тем, что ненормативная деятельность государственных структур наносит ощутимый вред развитию гражданского сообщества. Речь идет о коррупции властных структур. Зрелость гражданского общества может измеряться именно уровнем развитости коррупции.

Главным критерием гражданского общества будет низкий уровень коррупции. Самим властям с коррупцией не справиться. Только в условиях развитого гражданского общества коррупция как угроза национальной безопасности будет сведена к ее минимальным размерам. Поэтому низкий уровень коррупции – это самый верный признак здорового и развитого гражданского общества. Коррупция это криминальное действие чиновников и преступная бездеятельность граждан. В условиях слабо развитого гражданского общества борьба с коррупцией сводится исключительно к констатации намерения властей бороться с этим социальным злом.

Власть в России всегда неуверенно боролась с коррупцией в бюрократических рядах, потому что не могла рассчитывать в этой борьбе на поддержку своего общества [6, с. 13]. Поэтому решительная победа над коррупцией будет лишь тогда, когда власть и гражданское общество объединят свои усилия. Но при чрезмерно сильной власти и таком же чрезмерно слабом гражданском обществе (выполняющего роль театрального статиста, действия которого жестко регламентированы различными PR-сценариями) их союз, объединение их усилий будет весьма проблематичным и нескорым.

Борьба с коррупцией приводит к ограничению свободы чиновников и передачи этой свободы гражданскому обществу. Если государство возникает вследствие договора граждан о добровольной передаче части своих властных полномочий «суверену», то гражданское общество возникает в силу передачи свободы чиновников непосредственно самим гражданам. Пока чиновники сохраняют за собой право распоряжаться свободой граждан, ни о каком нормальном гражданском обществе речи не может быть. Таким образом, высокий уровень коррупции (как свидетельство чиновничьего произвола) является одним из главных препятствий на пути развития гражданского общества.

Развитие гражданского общества возможно лишь в одном случае: с восстановлением полноценной общественной элиты. Как может власть (в лице своей политической элиты) вступать в нормальный диалог с гражданским обществом, у которого нет своих элит? Элиты гражданского общества – это именно та самая аудитория, в которой нуждается каждый нормальный политик. А уже затем эти элиты сами «решали» бы вопросы с народом.

Главным организующим элементом гражданского общества является непосредственно сам человек (личность). Поэтому гражданское общество – это лакмусовая бумажка того, как граждане сами независимо от какого-либо иного посредника (государства) умеют договариваться и организовывать свою общественную и частную жизнь. При этом самодостаточность гражданина должна быть как социально-экономическая, так и культурно-персоналистическая.

Гражданское общество это не сумма независимых от государства организаций, а конкретно взятый человек. Гражданское общество состоит из свободно мыслящего, свободно говорящего и свободно действующего человека, который является, во-первых, гражданином, а во-вторых, – самодостаточной личностью. Но в идеале следует все-таки сказать, что на первом месте должен стоять в человеке не гражданин, а личность.

Гражданское общество должно измеряться не количеством общественных организаций, а качеством человеческого достоинства: когда государство уважает человека и когда сам человек уважает другого человека и через это уважение уважает и само государство. Уважение человека государство не должно подменяться его любовью к Родине. Государство – это только часть Родины, ее «оболочка» (форма), а содержанием является как раз гражданское общество. Пока между формой и содержанием не будет налажен равнозначное сотрудничество, ни о каком величии России не может быть и речи. Активная геополитика может лишь навредить России. Россия может тогда активно и успешно заниматься внешней политикой, когда ей будут решены две фундаментальные проблемы: будут построены цивилизованные дороги и удалены из властных структур все *дураки*.

Все реформы в России регулярно терпят неудачу, потому что идут сверху от власти и проваливаются в никуда, потому что не находят опоры в нормальном гражданском обществе. Проводить реформы в России это все равно, что пытаться превратить уху в аквариум. Именно слабость институтов гражданского общества и является причиной провалов всех этих реформ: когда власти сами не могут, а общество не понимает, зачем все это ему надо?

Некоторые считают, что гражданское общество может существовать только в эпоху кризиса, когда вырастают те люди, готовые умереть за свои идеи [3, с. 156–168]. Но это означает временный (преходящий) характер гражданского общества, исключаящий его в мирное (спокойное) время. С такой постановкой проблемы мы согласиться не можем, ибо гражданское общество для нас это некий духовно-общественный строй, одновременно сочетающий в себе самодостаточность соборности и самореализацию личности, параллельно с самодостаточностью и самореализацией государства. Мы можем говорить о перманентном характере качества развития гражданского общества, но не о его наличии или отсутствии.

Одним из базовых тезисов западной модели гражданского общества является то, что гражданское общество становится чуть ли не синонимом демократии. Иначе говоря, гражданское общество возможно только при демократии, а авторитарные и тем более тоталитарные политические режимы ей категорически противопоказаны. Действительно, охвативший в последние годы кризис демократии совпал с кризисом самого гражданского общества.

Так самая настоящая деградация гражданского общества в тех же самых США стало «культурной болезнью» ее политической и общественной систем [3, с. 157]. Но стоит ли нам абсолютизировать этот тезис западной науки и распространять его на другие общественно-политические практики, тем более российскую?

В качестве эталона западного гражданского общества нам часто приводят именно США. Но не надо забывать, что больше всех о проблеме соблюдении прав человека у других кричат те, у кого у самих не все ладно. Американцы – это варвары, сумевшие прикрыть своим материальным благополучием дикость своей изначальной культуры, которые они время от времени демонстрируют всему остальному человечеству своей дикой (агрессивной) внешней политикой. Не может быть общество эталонным своей внутренней политикой и абсолютно аморальным и циничным – внешней. Следовательно, законы гражданского общества должны распространяться им и на другие гражданские сообщества. Но своей нарочитой заботой о демократии и соблюдении прав человека США успешно дискредитировали сами эти идеи.

Тезис о том, что гражданское общество всегда и во всем противостоит государству, тоже не бесспорный. Государство – это чин. «Чин» – от слова «чинить» (делать) – это право что-либо делать. Чиновник – вот подлинное лицо государства, российского в особенности. Чиновничество процветает тогда, когда бездействуют граждане. Но стоит им соорганизоваться и проявлять солидарность, когда объем властных полномочий чиновника сокращается и он становится зависимым от общественного мнения. Когда граждане сами начинают «чинить и рядить», они начинают выполнять часть чиновничьих полномочий. Следовательно, если общественный договор есть добровольное делегирование гражданами части своих естественных свобод государству

(чиновнику), то гражданское общество – это договор, который изымает часть ранее отданных полномочий у государства и возлагает их на коллектив.

Противопоставление гражданского общества государству приводит к тому, что в СМИ под первым начинают подразумевать политическую оппозицию, которая якобы и является его лидерами [9, с. 4]. В СМИ вообще сложилось чрезмерно расширительное толкование гражданского общества, понимаемого как общество граждан конкретного государства. Но тогда мы вынуждены будем признать, что любое общество вообще может считаться гражданским, что далеко не так. По нашей классификации гражданское общество – это то общество, в котором интересы граждан и конкретной личности ставятся выше (т.е. они оказываются ценнее) интересов власти; когда не власть олицетворяет собою интересы государства, а граждане сообща (соворно) формируют государственные интересы. Вот когда само гражданское общество о себе сможет сказать, что «Государство – это Я!»; вот только после этого можно будет говорить о том, что оно существует реально, а не номинально.

Почему именно политические лидеры с завидным постоянством заводят разговор о необходимости развития гражданского общества? По всей видимости, потому что в современной России все элиты (экономические, культурные, военные, научные и др.), не входящие в политическую элиту, вытеснены на периферию и не оказывают никакого существенного влияния на общество и государство. Власть оказывается наедине сама с собой, и, судя по всему, это ее начинает уже пугать. Одиночество абсолютной власти не может быть вечным. В условиях информационного общества ей требуется качественное полноценное общение. Мир уже не тот, чтобы содержать за свой счет безответственный абсолютизм. Постиндустриальной эпохи нужна не развитая олигархия, а развитое гражданское общество. Именно из этого должны исходить власти, если они желают в чем-то преуспеть в эту новую историческую эпоху.

Гражданское общество – это свободный союз людей уже реализовавших себя как полноценных граждан и активно реализующих себя как самодостаточные творческие личности. Поэтому гражданское общество нельзя декларативно объявить, поскольку оно постоянно находится в состоянии доводки и усовершенствования. Поэтому оно должно возникнуть само. Это саморазвивающаяся система свободно развивающихся личностей. Пусть это политический идеализм, но мы говорим сейчас об идее, а не о мнении политического меньшинства (элиты власти).

Основы гражданского общества складываются из независимых инициатив граждан, способных не только свободно выдвигать какие-либо идеи, но и самостоятельно реализовывать их на практике. В основе демократии лежит не просто свобода слова, но и ответственность за реализацию этой свободы. Однако в России дистанция от буквы Конституции до ее реализации, как от Москвы до Владивостока. Закон российский провозглашает права и свободы, но практически их ничем не гарантирует.

Чем больше свободы, тем меньше порядка (как, например, 1990-е гг.), и напротив, чем больше порядка, тем меньше оказывается в России свободы (как, например, 2000-е гг.). Поэтому свобода это добровольно осознанный и принятый порядок. Бог дал человеку одновременно и свободу, и порядок. И человек (если он и в самом деле разумное существо) должен научиться сочетать эти два великих дара и уравнивать их. Но свобода есть еще и анархия: когда власть начальства сведена к выполнению почетной функции представительства общественных интересов. Именно при анархии возможно абсолютное гражданское общество, когда из политики полностью и навсегда будут выведены такие ее пороки, как насилие, рабство и коррупция.

По нашему мнению, вершиной гражданского общества должна быть анархия, описанная в классических работах по научному анархизму (П.Ж. Прудон, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин), как общество свободно развивающихся личностей. Без элемента анархии (самоуправления) и персонализма (самодостаточной личности) перспективы дальнейшего развития гражданского общества будут не совсем ясны и понятны. Об этой стороне теории гражданского общества сегодня вряд ли кто задумывается как на Западе, так и у нас в России.

* * *

Подводя промежуточный итог рассматриваемой нами темы, мы вынуждены признать, что одним каким-то конкретным определением мы не проясним сущность гражданского общества. Необходима целая система таких определений, посредством которых мы бы выявляли смысл и значение этого понятия и общественного состояния. Именно через множество этих определений мы выясняем сущность самой идеи гражданского общества.

Гражданское общество – это активная жизнь общества в союзе общих интересов. Гражданское общество – это параллельные миры, в которых граждане и власть часто переплетаются, а когда и вовсе не пересекаются в процессе своего генезиса. Гражданское общество – это разумное сочетание (равновесия) гражданских свобод и государственного порядка. Гражданское общество – это общество, в котором каждый как минимум является уже гражданином и как максимум должен быть еще и самодостаточной личностью. Гражданское общество – это когда гражданин-личность точно знает, что такое нравственный закон внутри него и может смело смотреть на звездное небо над своей головой.

Наконец, гражданское общество – это реальный путь к идеальному устройству государства. Быть может не к такому идеальному, как у Платона, но все равно к некому общественно-политическому идеалу. Главное, что при гражданском обществе изменяется сам геном политической власти, и она становится открытой, а, следовательно, открытыми становятся и сами политические элиты. Это дает нам основание предполагать, что при наличии гражданского общества политическая власть оказывается в руках элит меритократического типа.

Библиографический список

1. *Донских, Е.* От строительства школ до полета на Марс: Когда и как будут решены задачи, поставленные в ежегодном послании Президента России Д. Медведева / Е. Донских, О. Доронина, В. Гудкова, А. Колесниченко, С. Осипов, Д. Писаренко, В. Цепляев // Аргументы и факты. – 18–24.11. – 2009. – № 47 (1516). – 48 с.
2. *Ермаков, В.* Синдром Фирса: можно ли «выдавить из себя раба» / В. Ермаков // Литературная газета. – 27.02.–04.03.2008. – № 8 (6160). – 24 с.
3. *Капустин, Б. Г.* Что такое «гражданское общество». Слово есть, а самого явления нет / Б. Г. Капустин // Гуманитарный контекст. – 2009. – № 2. – С. 156–168.
4. *Карабущенко, П. Л.* Неоавторитаризм / П. Л. Карабущенко // Астраполис. – 2004. – № 1.
5. *Родин, И.* Консерватизм под защитой анонима: Интернет-дневник Грызлова стал площадкой для критики партийной идеологии / И. Родин // Независимая газета. – 07.12.2009. – 9 с.
6. *Рябов, А.* Чистка конкретная: Борьба с коррупцией как начало предвыборной кампании / А. Рябов // Новая газета. – 29.05.–31.05.2006. – № 39 (1161). – 24 с.
7. *Сведовая, Н.* Серп и серпентарий / Н. Сведовая // Новая газета. – 24.01.–27.01.2008. – № 05 (1323). – 24 с.
8. *Сокольский, А.* Третий президент / А. Сокольский // Родная газета. – 01.–07.10.2004. – № 38 (73). – 12 с.
9. *Соловьев, В.* Барак Обама вышел в гражданское общество: президент США встретился с российской оппозицией / В. Соловьев, В. Хамраев, М. Иванов // Коммерсантъ. – 08.07.2009. – № 121 (4176). – 24 с.
10. *Франсуа де Ларошфуко.* Максимы / Франсуа де Ларошфуко. – М., 1974.